

ОБРАЗ КРЫМСКИХ ТАТАР В ЕВРЕЙСКИХ ХРОНИКАХ ПЕРИОДА «ХМЕЛЬНИЧИНЫ»

М. Е. Шалак

*Южный федеральный университет,
ул. Б. Садовая, 105/42, Ростов-на-Дону, 44006, Россия*

Аннотация

Введение. Целью статьи является детальный анализ тех оценок, которые содержатся в еврейских исторических хрониках периода «Хмельничины» и относятся к характеристикам крымских татар, принимавшим активное участие в восстании Б. М. Хмельницкого. На основании этих оценок мы можем реконструировать тот образ татар-мусульман, который сложился в историческом сознании еврейского позднесредневекового общества под влиянием пережитой катастрофы. **Методы.** Поскольку особенностью данного исследования является исключительное внимание к тексту источника, то широко использовались методы, основанные на анализе текста и методы, основанные на контекстуальном анализе речевых и смысловых конструкций, применяемых еврейскими публицистами и сопоставление их с фактами биографий и историческими событиями, которые возможно могли повлиять на тексты хроник. Для решения поставленных в работе задач также применялись такие конкретно-исторические методы, как историко-сравнительный и историко-типологический. **Результаты.** На основе проделанной работы можно сделать вывод, что для еврейских авторов – создателей исторических хроник периода «Хмельничины», татары-мусульмане выступают хоть и злом, но гораздо меньшим по сравнению с тем злом, что несли еврейскому населению православные-украинцы. В образе крымских татар, в какой-то мере, можно найти даже положительные оценки, показывающие жалость и заботу о тех евреях, которые сдавались им в плен. Чего нельзя сказать об образе православного населения, сложившимся в еврейских хрониках под впечатлением от пережитых ужасов народно-освободительной войны в Украине в середине XVII в. **Заключение.** Крымские татары, принимавшие участие в восстании Богдана Хмельницкого, воспринимались евреями в образе врагов, но с некоторым оттенком уважения, чего мы абсолютно не найдем в сложившемся образе православного населения Украины. Положительной характеристикой крымских татар у еврейских авторов можно считать упоминания об их мобильности и организованности во время войны. По представлениям хронистов, большинство крымских татар, принимавших участие в походах против Речи Посполитой, были профессиональными воинами и могли с успехом противостоять польским панам и шляхте, хорошо знавшим военное дело.

Ключевые слова: крымские татары, восстание Б. Хмельницкого, Украина, Речь Посполитая, еврейские исторические хроники, еврейское население.

Для цитирования: Шалак, М. Е. (2023). Образ крымских татар в еврейских хрониках периода «Хмельничины» // История: факты и символы. № 4 (37). С. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-91-107>

Статья поступила: 20.07.2023

Статья принята в печать: 29.10.2023

Статья опубликована: 19.12.2023

© Шалак М., 2023

THE IMAGE OF THE CRIMEAN TATARS IN THE JEWISH CHRONICLES OF THE KHMELNYTSKY UPRISING PERIOD

Maxim E. Shalak

Southern Federal University,

105/42, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia

Abstract

Introduction. The purpose of the article is a detailed analysis of the assessments contained in the Jewish historical chronicles of the Khmelnytsky uprising period and related to the characteristics of the Crimean Tatars who took an active part in the uprising of B.M. Khmelnytsky. Based on these assessments, we can reconstruct the image of the Muslim Tatars that developed in the historical consciousness of the Jewish late medieval society under the influence of the experienced catastrophe. **Methods.** Since the peculiarity of this study is the exceptional attention to the text of the source, methods based on text analysis and methods based on contextual analysis of speech and semantic constructions used by Jewish publicists and comparing them with the facts of biographies and historical events that could possibly affect the texts of chronicles were widely used. To solve the tasks set in the work, such concrete historical methods as historical-comparative and historical-typological were also used. **Results.** On the basis of the work done, it can be concluded that for Jewish authors – creators of historical chronicles of the period of the «Khmelnychiny», the Muslim Tatars act, though evil, but much less than the evil that the Orthodox Ukrainians carried to the Jewish population. In the image of the Crimean Tatars, to some extent, one can even find positive assessments showing pity and concern for those Jews who surrendered to them. The same cannot be said about the image of the Orthodox population that has developed in Jewish chronicles under the impression of the horrors of the People's Liberation war in Ukraine in the middle of the XVII century. **Conclusion.** The Crimean Tatars who took part in the uprising of Bohdan Khmelnytsky were perceived by Jews as enemies, but with a certain shade of respect, which we absolutely will not find in the current image of the Orthodox population of Ukraine.

Keywords: Crimean Tatars, B. Khmelnytsky's uprising, Ukraine, Polish-Lithuanian Commonwealth, Jewish historical chronicles, Jewish population

For citation: Shalak M.E. The image of the Crimean Tatars in Jewish chronicles of the Khmelnytsky period In *History: facts and symbols*, 37, 4, pp. 91-107, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-91-107>

Received: 20.07.2023

Revised: 29.10.2023

Published: 19.12.2023

© Shalak M., 2023

1. Введение

Статья посвящена анализу еврейских исторических хроник, возникших в середине XVII в., на предмет выявления сведений и оценок, относящихся к крымским татарам и ногайцам, принимавших активное участие в национально-освободительной войне под руководством Богдана Хмельницкого. Это хроника Натана Ноты Ганновера «Пучина

бездонная» (1653 г.), хроника Мейера из Щебржешина «Тяготы времен» (1650 г.) и «Послание» Саббатай Гакогена (1651 г.). Эти хроники были собраны, переведены и прокомментированы еще в середине 1930-х историком С. Я. Боровым [11]. Однако на предмет изучения оценок, которые давались еврейскими очевидцами событий татарам-мусульманам, эти исторические источники эпохи «Хмельничины» исследуются впервые.

Общей темой этих хроник является повествование о трагедии еврейского народа Украины, пережитой во время казацкого восстания под руководством Б. М. Хмельницкого, в последствии переросшего в национально-освободительную войну украинского народа против Речи Посполитой. Все упомянутые нами авторы передают события тех лет через призму лично пережитого впечатления, порой весьма преувеличенного, с десятками тысяч трупов, сотнями разрушенных общин, тотальным разорением и почти всегда лично перенесенной смертельной опасности. Поэтому, конечно же, об объективности данных источников говорить не приходится. В то же время, изучая эти субъективные оценки следует учитывать, что они основываются на системе ценностей, общепринятой в конкретной социальной или этнической группе и играют в сфере исторического сознания одну из главных ролей. Эти оценки обуславливают, в частности, отношение индивида к прошлому и пережитому, к памяти о нем как к ценности [16, с. 73]. Поэтому система ценностей в структуре исторического сознания включает в себя как общепринятые моральные устои и идеалы, нравственные нормы, господствующие в конкретной социальной или этнической группе, так и субъективные, личностные оценки на происходящие события. В свою очередь эти личностные оценки зависят от общепринятых норм и личного, индивидуального исторического опыта, пережитого конкретным лицом, от конкретной психологии человека, от уровня его нравственного, этического и интеллектуального развития.

Если говорить об авторах наших хроник, то об авторе хроники «Пучина бездонная» – Натане Ноте Ганновере, известно больше, чем о других украинских евреях-хронистах. Его отец, живший в Остроге и принадлежавший к иудейскому клиру, был убит повстанцами во время захвата города в 1648 г. Сам Натан Ганновер в это время проживал у одного еврейского купца в качестве ученого «зятя на иждевении» в г. Заславе (Изяславе) [11, с. 31]. В то время в еврейском быту было весьма распространенным явлением выдавать девушек из богатых семей замуж за ученых юношей, отпрысков известных раввинских родов. При приближении войска казаков к Изяславу, Натан Ганновер с семьей бежал в Европу. После долгих скитаний он осел в Венеции, где в 1653 г. издал своё произведение «Пучина бездонная». Позже из Италии Ганновер перебрался в Молдавию, где служил раввином сначала в Яссах, а потом в Фокшанах. В начале 70-х гг. XVII в. он переехал в Моравию и поселился в городке Унгарнш Броды. Во время разгрома этого городка в 1683 г. куруцами графа Текели, союзника Турции, Натан Ганновер был убит [11, с. 33].

Автор другой хроники – Саббатай Гакоген (1621–1663), был раввином в Вильно. Он пишет свое «Послание» в 1651 г., но издает в Амстердаме только через 4 года, поскольку в 1655 г., перед захватом Вильно московскими войсками, Саббатай бежал оттуда в Моравию, как и большинство еврейского населения города [11, с. 34].

Об авторе третьей хроники – «Тяготы времен» – Мейере из Щебржешина, известно ещё меньше. Из самого текста этого источника можно заключить, что Мейер был раввином г. Щебржешин (Щебжешин) в Польше, сыном раввина Самуила. Во время вторжения казаков Хмельницкого собственно в польские земли, Мейер бежал в Краков, где и издал свое произведение в 1650 г. [11, с. 155].

Все эти три еврейские хроники, как уже отмечалось выше, были собраны, переведены на русский язык и снабжены развернутым научным комментарием С.Я. Боровым по заказу издательства «Academia», которое в середине 30-х гг. XX в. возглавлял Л.Б. Каменев. После

ареста последнего и ликвидации «Academia» Боровой передал рукопись издательству «Соцэкгиз», где в декабре 1936 г. она была набрана и сверстана. Однако, тогда выйти книге было не суждено. Шансы на публикацию еврейских хроник в к. 30-х гг. XX в. были крайне малы. Только спустя 60 лет еврейские хроники XVII в. были опубликованы и стали доступны широкому кругу читателей.

2. Методы

В нашем исследовании эти исторические источники будут проанализированы на предмет выявления оценок, которые еврейские хронисты давали крымским татарам и ногайцам, союзникам казаков Б. Хмельницкого на начальном этапе восстания в 1648–1653 гг. На основании выявленных оценок мы сможем реконструировать тот образ татар-мусульман, который сложился в историческом сознании представителей интеллектуальной элиты иудейских общин Украины и Польши в эпоху позднего Средневековья. С известной долей условности можно предположить, что этот образ мусульман был характерен для всего еврейского общества Восточной и Центральной Европы XVII в.

3. Результаты

Если обратиться к самому обширному из этих хроник произведению – «Пучине бездонной», то уже в предисловии Натан Ганновер сообщает, что в 1648 г. православные восстали против королевской власти и соединились с татарами, «потомками злодеев» [7, с. 83]. Ганновер под православными понимал, в первую очередь запорожских казаков, а в широком смысле имел в виду всех вообще украинцев, принявших участие в национально-освободительной войне под руководством Б. М. Хмельницкого. Под татарами еврейский хронист имеет в виду крымцев и ногайцев, которые выступили в союзе с казаками. Назвав татар «потомками злодеев», автор как бы сразу задает негативный тон в их адрес. Далее он замечает, что ещё царь Давид пророчествовал, как соединятся татары с православными, чтобы уничтожить народ Израиля в 1648 г. То есть, события, развернувшиеся в Украине, очевидцем которых был Ганновер, носили, по его убеждению, некий глобальный характер.

Дело в том, что средневековый еврейский автор, увлекавшийся каббалой и веривший в тайный смысл, заключенный в словах и буквах, пророчество Давида из 32 псалма соотносит с гематрией (суммой числовых значений букв), составляющих фразу «православный и татарин соединились вместе (пес и кот), чтобы в этом 5648 году уничтожить народ израильский, который уподобился заблудшей овце» [7, с. 83]. Здесь к образам православного и татарина Ганновер добавляет соотношение с животными – псом и котом соответственно, явно не почитаемыми в еврейском обществе. Так, пес, собака считается евреями одним из самых нечистых животных. Собака часто упоминается в Священном Писании, как символ ничтожества и презрения (1Цар 17.43, Притч 26.11), свирепых врагов (Пс 21.17). Под псами у Ганновера подразумеваются православные, а под котами – татары. В Торе кошки не упоминаются ни разу. Это можно объяснить тем, что евреи очень хорошо познакомились с культом кошки, процветающем в Древнем Египте. Отсюда вытекает крайне неприязненное отношение к этому животному в иудаизме, как к объекту религиозного поклонения и олицетворению мертвечины, связанному с практикой мумификации кошек, весьма распространенной у египтян. Далее он приводит гематрию фразы из 64 псалма «утонул я в пучине бездонной», которая якобы равна гематрии «“Хмель и татарин соединились с православными” (скорпион и пчела)!» [7, с. 84]. И опять мы видим, как автор формирует негативный образ, как православных, так и татар, сравнивая их с

животными, которые не только считаются нечистыми в иудаизме, но и представляют опасность для человека.

Ганновер поясняет, что назвал свою книгу «Пучина бездонная», поскольку в названии содержится намек на ужасное бедствие, на народ татарский и православных, а последние «это враждебное племя» [7, с. 84]. Следовательно, татары не воспринимались евреями как исконно враждебный народ. Поэтому татары хоть и зло, но меньшее по сравнению с православными.

В предисловии к своей хронике Натан Ганновер оговаривает, что вообще-то между татарами и православными существовала извечная вражда, но, взбунтовавшись против польского короля, православные соединились с татарами, «уподобясь бешеной корове».

Переходя собственно к изложению событий, хронист начинает с рассказа о том, кто такие казаки. Так, согласно его теории, король Сигизмунд III (1587–1632) отобрал 30 000 наиболее отважных из своих православных подданных и сформировал из них войско казаков. Эти казаки были освобождены им от уплаты всяческих податей, а взамен поселялись на границе Руси и страны татар, от набегов которых должны были защищать государство. Эти татары были «от века» большой проблемой («камнем преткновения») для Польши. Всегда, замечает Ганновер, между татарами и православными была «великая ненависть», православные воевали с татарами, а татары с православными [7, с. 85].

Обрисовав общую обстановку накануне восстания, хронист начинает описывать события 1648–1652 гг. И начинает он с того, как хорунжий великий коронный Речи Посполитой князь Александр Конецпольский (1620–1659) отправился в свои заднепровские владения, чтобы вместе с казаками совершить внезапное нападение на татар и захватить большую добычу, «как это водится с давних времен», добавляет от себя хронист [7, с. 90]. Прибыв в Чигирин, польский хорунжий начал расспрашивать управляющего городом – еврея Захария Собиленко (Собиленского), кто самые богатые жители города, надеясь получить от таковых большие денежные подношения. Тогда управляющий еврей-арендатор назвал, среди прочих, «злодея Хмеля», сказав, что он очень богат и владеет большими стадами. В итоге А. Конецпольский насильно отобрал у Б. Хмельницкого его хутор и весь скот. Готовя месть польскому магнату, Хмельницкий извещает татар о готовящемся на них нападении. Татары, как сообщает еврейский хронист, в это время жили совершенно спокойно и ни от кого не ожидали войны. Но, когда узнали от Хмельницкого о планах польского хорунжего, тотчас выступили навстречу ему, «вооружившись саблями и луками». Здесь мы видим свидетельство хрониста о типе вооружения крымских татар, которое является для нас весьма ценным, поскольку не сообщает о наличии какого-либо огнестрельного оружия у крымцев в то время, когда в Европе оно получает повсеместное распространение, по крайней мере, ещё с XVI в.

Встретив превосходящее татарское войско, князь А. Конецпольский вынужден был бежать с «великим позором» [7, с. 91]. Согласно Ганноверу, Б. Хмельницкий оказал услугу татарам исходя из личной мести, а не из дружественного расположения к ним. Когда же в 1648 г. в Запорожской Сечи Хмельницким было поднято восстание, то на войсковом совете гетман якобы сказал: «Вы ведь знаете, что поляки сильнее нас, они храбры, как львы, “их лица пылают”» [7, с. 92]. Вот яркий образ поляков, нарисованный Ганновером, явно отличающийся от образа украинцев и татар, показанного нами ранее.

Осознавая, что бороться против Польши в одиночку бесперспективно, Хмельницкий предлагает казакам помириться с татарами, «нашими врагами», и вместе ударить по полякам. Предложение гетмана было принято и, как сообщает Ганновер, Хмель со всем своим войском отправился к крымскому хану, «примирился с ним» и заключил военный союз против Польши [7, с. 92]. Здесь мы видим ошибку хрониста в изложении событий. Дело в том, что сам Богдан Хмельницкий не ездил зимой 1648 г. в Бахчисарай к Ислам-Гирею III (1644–1654). Туда были отправлены его послы [15, с. 72]. Правда бытует мнение, что в Крым вместе с послами Б. Хмельницкий отправил своего сына Тимофея, который, в случае необходимости, мог остаться там, в качестве почетного заложника. Однако, свидетельства современников опровергают это мнение.

По сообщению придворного ханского историографа Кырымлы Хаджи Мехмеда Сенаи, служившего секретарем (мюншием) в ханской канцелярии Бахчисарая и написавшего в 1651 г. «Историю Ислам Гирея» по просьбе ханского визиря Сефера Гази-аги, «гетман по имени Мельниска, ... человек умный и богатырь бесстрашный, выбросивший из сердца прежнюю враждебность к [нашей] вере», обратился за помощью к Ислам-Гирею III через своих полномочных послов. Крымский хронист описывает прием, во время которого посланцы гетмана, «исполнив церемониал покорности, пожаловались на свою слабость и на притеснения со стороны ляхов, а так как, согласно обычаям Чингизовым обратившимся за помощью прощаются их прежняя вражда и провинность, то последовал приказ прикрыть все прошлые обиды подолом прощения». Мехмед Сенаи писал, поскольку поддержка просящих всегда была в приоритете у правящего дома Гиреев, то к гетману Мельниске была проявлена милость: в ответ на выражение покорности на помощь казакам были направлены несколько татарских эмиров – «гонителей врагов», во главе с сераскером Ор-Капы Тугай-беем. Сам Ислам-Гирей, по словам крымского историка, взял на личный контроль все приготовления, связанные с предстоящим военным походом против Речи Посполитой [1, с. 329].

Существует и ещё одно предание, согласно которому Б. Хмельницкий, дабы заручиться поддержкой крымских татар, передал некоему мурзе его сына, захваченного перед этим в плен запорожскими казаками. Об этом сообщает в своей записке русский гонец в Польше дьяк Григорий Кунаков [2, с. 280–281]. Якобы именно этот жест «доброй воли» запорожского гетмана способствовал заключению союза между запорожцами и Крымским ханством.

Однако ничего такого еврейские хроники нам не сообщают. Н. Ганновер пишет, что между казаками и татарами был заключен договор, по которому все захваченные пленники и скот достанутся татарам, а казакам – все остальное, включая золото, серебро и одежду. Заключает этот сюжет хронист цитатой из Священного Писания: «мидиянин и моов, ненависти ради к израильтянам, заключили между собой союз» [7, с. 92]. Получается, что главным стимулом, заставившим «извечных» врагов пойти на союз, был банальный грабеж. И так, пишет Ганновер, отправились православные и татары в поход, «пройдя через пустыню и леса» и подступили к лагерю ничего не подозревавших поляков [7, с. 92].

Далее еврейский хронист сразу переходит к описанию корсунской битвы 26 мая 1648 г., совершенно не упоминая о битве под Желтыми водами, которая произошла ранее, 5–8 мая 1648 г., и завершилась полным уничтожением польского корпуса Стефана Потоцкого [17, с. 74–81]. Тем не менее, Ганновер довольно точно описал Корсунское сражение, хоть и преувеличил число казаков и татар, принимавших в нем участие, в 60 тыс. чел. Польское

войско под командованием коронного гетмана Н. Потоцкого и польного гетмана М. Калиновского было окружено. Как сообщает хроника, польские предводители попросили не проливать их крови, а взять в плен, на что татары сразу согласились. Они взяли себе всех сдавшихся поляков, включая двух гетманов. Ганновер уточняет, что Потоцкого и Калиновского подвергли тяжким пыткам и заковали в железные колодки [7, с. 93].

Подробно Ганновер останавливается на описании разорения татарами и казаками еврейских общин, располагавшихся в районах ведения боевых действий и не успевших спастись бегством, как-то общины Переяслава, Борисовки, Пирятина, Борисполя, Лубен, Лохвица и др. Описания тех ужасов и казней, которым восставшие подвергали еврейское население Украины, имели целью сформировать определенный образ врага у читателей [7, с. 94–95]. При этом надо отметить, что евреи четко различали, какая участь их может ждать, попадись они в руки к православным или к татарам. Так, описывая реакцию евреев из общин Погребища, Животова, Божувка и Тетиева на известие о приближении казацко-татарского войска, хронист вкладывает в их уста следующее рассуждение: «Если мы будем ждать, пока придут православные в город, они нас уничтожат или заставят – от чего да хранит Бог – изменить вере. Лучше будет, если мы пойдем в стан татар и отдадимся в плен; мы знаем, что наши братья, сыны Израиля, в Константинополе и других общинах Турции очень милосердны, и они нас выкупят за деньги» [7, с. 95]. После чего около 3-х тыс. мужчин, женщин и детей отправились сразу к татарам и подняли великий плач. Сжалившись над евреями, татары стали утешать их и якобы сказали: «Не беспокойтесь, вы не будете иметь недостатка ни в еде, ни в питье. ... Скоро мы вас отведем к вашим братьям в Константинополь, и они вас выкупят из плена» [7, с. 95].

В итоге, пишет хронист, татары так и поступили с теми евреями, которые сдались им в плен. Ганновер сообщает, что всего около 20 тыс. евреев, захваченных крымцами в Речи Посполитой, было выкуплено из плена в Константинополе их единоплеменниками, добавляя при этом, что и по сей день, вся Турция проявляет к ним несказанное милосердие [7, с. 95]. Таким образом, можно сделать вывод, что для еврейского автора – создателя исторической хроники периода «Хмельничины», татары-мусульмане выступали хоть и злом, но гораздо меньшим по сравнению с тем злом, что несли еврейскому населению православные-украинцы. В образе крымских татар, в какой-то мере, можно найти даже положительные оценки, показывающие жалость и заботу о тех евреях, которые сдавались им в плен. Зато этих положительных оттенков нельзя найти в образе православного населения, сложившимся в еврейских хрониках под впечатлением от пережитых ужасов народно-освободительной войны в Украине в середине XVII в.

После первых побед основное крымское войско, захватив огромный полон, по словам Ганновера, двинулись обратно в Крым, а Хмельницкий с казаками и несколькими тысячами оставшихся с ним татар отправился в Чигирин [7, с. 96]. В ожидании нового столкновения с польскими войсками, восставшие решают вновь отправить посланников к хану, дабы заручиться его поддержкой на будущее. Тем временем в Польше был объявлен общий сбор шляхетского войска для борьбы с казаками. Но сбор польских панов проходил крайне медленно, так как, по мнению Н. Ганновера, в королевстве Польском на войну шляхтичи всегда собираются не торопясь, очень мешкая, «в противоположность татарам и православным, которые отправляются в поход не лентяя, с большой поспешностью» [7,

с. 98]. Следовательно, мы находим ещё одну положительную характеристику крымских татар у еврейского автора, отмечавшего их мобильность и организованность во время войны.

Интересно описание осады г. Полонное, оставленное Ганновером. 20 июля 1648 г. казаки и татары, к которым присоединилось ещё 20 тыс. местного православного населения, приступили к осаде города. В нем оборонялось около 2 тыс. шляхты и 12 тыс. евреев. Однако, благодаря измене православного населения города, которых еврейский автор именует «крепостными панов», перешедших на сторону осаждавших, город был взят 22 июля. По сообщению хрониста польским панам удалось спастись бегством, тогда как почти 10 тыс. евреев были убиты «всеми существующими видами убиения» [7, с. 105]. Вместе со всеми погиб в Полонном и известный каббалист Самсон, призывавший евреев к покаянию, однако и это не спасло несчастных от расправы. Удалось спастись лишь несколькими сотням евреев, которые либо перешли в православие, либо попали в плен к татарам [7, с. 105]. То есть снова еврейский хронист показывает нам, насколько отличалась участь иудеев, попавших в руки к православным, от участи тех, кто попадал в плен к татарам.

Весьма информативен рассказ Ганновера о сражении между войсками Б. Хмельницкого и И. Вишневецкого, произошедшем у Пилявец 20 сентября 1648 г. Во-первых, хроника подробно указывает нам на место, где расположились войска противников: у «Липовец» (именно так назван город в хронике), неподалеку от речки (река Иква, левый приток Южного Буга), на расстоянии 5 миль от Константинова [7, с. 110]. Казаки и татары выстроились в боевой порядок на одном берегу реки, князь Вишневецкий – на другом. Во-вторых, есть информация о численности войск с обеих сторон. Войско Хмельницкого со всеми казаками и «прочими православными» якобы насчитывало 500 тыс. чел. (в другом месте Ганновер говорит уже о 600 тыс. православных). Это явно преувеличенная цифра. По подсчетам современных историков, под Пилявцами Хмельницкий располагал войском максимум в 50–70 тыс. чел. [18, с. 424; 19, s. 85]. С другой стороны, вместе с подошедшей 30 тыс. легкой и тяжелой конницей «гетмана» князя Владислава-Доминика Заславского, польское войско у Ганновера насчитывало 80 тыс. «храбрых и обученных военному делу воинов», а также включало обоз, состоявший из 150 тыс. телег и повозок [7, с. 110]. Здесь опять мы сталкиваемся с завышенной цифрой, хоть и не на столько, как в случае с оценкой численности войска казаков и крестьян под руководством Б. Хмельницкого и М. Кривоноса. По подсчетам Н. Яковенко, польское войско состояло из 35–40 тыс. шляхтичей и жолнеров, а количество телег достигало 100 тыс. [18, с. 422, 424]. В. Кучарский оценивает польское войско в 30–34 тыс. чел. [19, s. 84].

Таким образом, мы видим, что реальный перевес казацкого войска (50–70 тыс.) над польским (30–40 тыс.) был не столь значителен, как у Н. Ганновера (600 тыс. против 80 тыс. соответственно). При этом еврейский хронист отмечал, что эти 600 тыс. православных не стоили и 20 тыс. поляков, ведь в большинстве своем войско Хмельницкого состояло из крестьян и мещан, вооруженных пиками и косами. Они не были обучены военному делу и вся их тактика заключалась в том, чтобы громкими криками и шумом попытаться устрашить врага. Единственной боеспособной силой восставших были казаки и «часть» татар, общей численностью ок. 20 тыс. чел. [7, с. 110]. Получается, что с точки зрения Ганновера, далеко не все крымские татары, принимавшие участие в походе против Речи Посполитой, были профессиональными воинами и могли с успехом противостоять польским панам и шляхте, хорошо знавшим военное дело.

В воскресенье 20 сентября 1648 г. началась битва у Пилявец. Согласно еврейской хронике Ганновера, в первый день победу одержали польские полки И. Вишневецкого. Здесь следует отметить, что, несмотря на то, что официально командование польским войском было возложено на региментариев (временных главнокомандующих, поскольку оба гетмана находились в плену) – воеводу сандомирского князя Владислава-Доминика Заславского, великого подчашего коронного Николая Остророга и великого хорунжего коронного Александра Конецпольского, в хронике главой польского войска выступает воевода русский князь Иеремия Вишневецкий [18, с. 422]. Это является показателем того, насколько в историческом сознании польского общества середины XVII в. был высок авторитет этого выдающегося полководца. На следующий день войско Вишневецкого опять разбило православных. Тогда якобы Хмельницкий запросил у князя Заславского перемирия на два дня, ожидая скорого пришествия татарского войска, численностью якобы аж в 100 тыс. чел., которое вели «два татарских военачальника; второго из них звали Тугай-бей» [7, с. 111].

Имя первого татарского предводителя Ганновер не называет. Известно, что крымский хан Ислам-Гирей III поручил возглавить поход крымского войска своему брату – калгесултану Крым-Гирею (1644–1651) [17, с. 95]. Вообще источники называют разное количество крымских военачальников, участвовавших в этом походе. В записке посла Б. Хмельницкого С. Мужилковского русскому царю Алексею Михайловичу от 4 февраля 1649 г. говорится о трех предводителях: «Тугай-бей с царем крымским и з братом его» [5, с. 130]. В показаниях пленного татарина Канмамбета, датированных октябрём 1648 г., сказано, что старшим над крымской ордой был «султан, вторым Торкай-бей, третьим Кая-бей» [10, с. 186]. Тугай-бей, как союзник Хмельницкого, фигурирует практически во всех известным нам источниках, при этом он часто выступает как предводитель всего крымского войска. По крайней мере, это единственный татарский военачальник, который назван в хронике по имени.

Относительно численности крымского войска в 100 тыс. чел., то эта цифра фигурирует не только у Ганновера. Более чем 100 тыс. чел. называл казацкий посол в Москве Силуян Мужилковский [5, с. 130]. Пленный поляками татарин Канмамбет также говорил о 100 тыс. крымцев [10, с. 186]. Хотя есть и более сдержанные оценки современников относительно численности крымского войска, пришедшего на помощь Б. Хмельницкому осенью 1648 г. В показаниях пленного сенчанского (сечевого?) казака, датированных концом сентября – началом октября 1648 г. сказано, что «татар было 30 тысяч» [10, с. 152]. В отписке З. Леонтьева и И. Кобыльского русскому царю от 1 ноября 1648 г. сообщается, что в боях с поляками в сентябре 1648 г. на стороне Хмельницкого приняло участие «Крымских и Нагайских Татар тысяч с сорок» [3, с. 277]. Уже после разгрома поляков 10 тыс. татар отправилось с полоном в Крым, а 30 тыс. осталось с Хмельницким [3, с. 278]. В письме пана воеводы Брацлавского А. Киселя к пану канцлеру коронному Е. Оссолинскому от 22 августа 1648 г. говорится, что татар идет к Хмельницкому 30 тыс., при этом уточняется – «как он (Хмельницкий – *М.Ш.*) сам объявил» [13, с. 217]. Князь И. Вишневецкий в письме от 30 августа 1648 г. князю Примасу архиепископу Гнезненскому Мацею Лубенскому также называет цифру в 30 тыс. [13, с. 254]. Пленный казачий сотник из Корсуня Х. Калина 4 сентября 1648 г. рассказал на допросе, что татар, заключивших договор с Хмельницким, было 10 тыс., но часть их ушла с ясырем. Ещё 40 тыс. татар должны вскоре примкнуть к казакам, а по слухам 100 тыс. ногайцев, «все поголовно», идут к Хмельницкому, но с ними

пока договор не заключили [9, с. 630]. В статейном списке окольного князя Д.П. Львова и дьяка О. Трофимова говорится, что по показаниям торгового человека из Литвы, «белорусца» А. Микифорова, сообщенным 1 октября 1648 г., на помощь к Б. Хмельницкому пришло более 30 тыс. татар [8, с. 610].

Таким образом, мы видим очень большой разницей в показаниях современников относительно численности татарского войска, пришедшего на помощь к Б. Хмельницкому на кануне битвы у Пилявец. Современные польские ученые вообще называют цифру в 3–4 тыс. всадников, которых привел с собой под Пилявцы крымский калга Крым-Гирей [19, s. 85].

Но вернемся к нашей хронике. Во вторник 22 сентября, под вечер, в лагерь Хмельницкого пришло стотысячное татарское войско и там началось всеобщее ликование. Поляки не могли понять причин этой радости, но когда удалось взять в плен православного, то он якобы сказал: «К нам пришло на подмогу сто тысяч татарских воинов; они храбры, как львы, кто сможет устоять против них?» [7, с. 111]. Также Ганновер пишет, что Хмельницкий отправил послание князю Заславскому, в котором сообщал о прибытии к нему татар – «многочисленные, что песок на берегу моря, – и вам не устоять против них и моего народа. Как бы ни попало королевство Польское – от чего хранит Бог – в руки татар» [7, с. 111]. Получается, по мнению Ганновера, Хмельницкий совершенно не хотел, что бы Речь Посполитая была покорена Крымским ханством. Узнав о приходе крымцев, по сообщению хроники, поляков обуял такой страх, что они все бежали с поля битвы, оставив на разорение православным и татарам всю Польшу, Русь и Литву.

Затем Ганновер пишет о разорении восставшими Бара и осаде Львова – столичного города, в котором располагалась одна из четырех крупнейших еврейских общин Польши. Под Львовом были убиты тысячи православных и татар [7, с. 114–115]. Осада длилась три недели, пока не было решено взять с города выкуп в 200 тыс. злотых. Оттуда Хмельницкий двинулся дальше, на Замостье. Осада города продолжалась в течение ноября 1648 г. Тогда, согласно Ганноверу, православные и татары решили обратиться к волхованию – чародейством они запустили в небо «огненного змея». Однако, истолковав знамение в негативном для себя варианте, Хмельницкий отправил к горожанам послов с предложением откупиться, как это было во Львове. Обе стороны сошлись на сумме в 20 тыс. злотых (ровно в 10 раз меньше по сравнению со Львовом). Тут же под стены города казаки и татары привели пленных для выкупа. Так евреи Замостья смогли выкупить из плена несколько сотен своих соплеменников [7, с. 119].

Но всё было не совсем так, как рассказывает нам еврейская хроника Ганновера. Дело в том, что начало таять казачье войско. Сразу после осады Львова ушли домой татары Крым-Гирей [18, с. 426]. 24 октября калга-султан с крымским войском двинулся к Каменец-Подольскому, там переправился через Днестр и, пройдя Молдавию, ушел в Крым [17, с. 106]. С Хмельницким остался лишь «перекопский князь» Тугай-бей со своими людьми [1, с. 345–346]. Количество татар, которые были с Тугай-беем, современники оценивали всего лишь в 4–5 тыс. чел. [17, с. 107]. К тому же в лагере повстанцев начались эпидемии и голод. Всё это и послужило поводом для заключения временного перемирия между новоизбранным польским королем Яном Казимиром и гетманом Войска Запорожского Богданом Хмельницким 24 ноября 1648 г.

Однако перемирие это продлилось недолго. Как писал Ганновер, «когда услышал злодей Хмель (да будет стерто его имя), что поляки выступили на войну против него,

разорили множество православных поселений и нанесли православным тяжкие поражения, он в течение трех месяцев прикидывался бездействующим, а между тем собирал все свое войско и пригласил татарского хана явиться со своими полчищами» [7, с. 123]. Автор уточняет, что это было уже третье по счету соединение казаков Б. Хмельницкого с войсками Ислам-Гирея III для войны против Речи Посполитой. И опять хронист противопоставляет медлительность продвижения шляхетского ополчения и быстроту сборов татар и православных, «которых было, что песок в море» [7, с. 123].

И вот 10 июля 1649 г. под Збаражем появились несметные полчища крымского хана – «короля татарского», поясняет Ганновер своему читателю – и «злодей Хмель» с таким же множеством православных. Заметим, что если любое упоминание о Хмельницком для еврейского автора сопровождается негативной оценкой с обязательным добавлением приписки в скобках (д(а) с(отрется) е(го) и(мя)), то крымский хан вообще ни разу не называется по имени и оценки его носят совершенно нейтральный характер. Ганновер довольно подробно описывает осаду Збаража. Он отмечает, что поляки во главе с И. Вишневецким наносили осаждавшим страшные потери, убивая «тысячи и десятки тысяч» православных и татар [7, с. 124]. Как всегда численность участников военного противостояния в хронике многократно преувеличена.

Подошедший на помощь осажденным король Ян Казимир с войском чуть было сам не попал в руки окруживших его татар и отступил к Зборову. Видя бесперспективность дальнейшей борьбы, польский король отправляет канцлера Е. Оссолинского к крымскому хану для заключения мира. И немедленно, как пишет Ганновер, боевые действия против польского короля со стороны татар были прекращены и недавний враг – крымский хан, отправился в Зборов на встречу с Яном Казимиром, чтобы «в личной дискуссии достичь соглашения» [7, с. 125]. Договоренность между двумя монархами была достигнута. Польский король обязался заплатить хану 200 тыс. злотых в возмещение не выплачиваемой в течение многих лет дани, а также 100 тыс. злотых за выкуп из плена двух польских гетманов. До внесения всей суммы Ян Казимир отправил в Крым несколько знатных панов в качестве заложников.

Узнав о том, что татары заключили мир с поляками, «злодей Хмель (д.с.е.и.)» тоже отправился в Зборов к королю, припал к его ногам и со слезами молил о прощении. Здесь мы видим, насколько разнятся описания встреч польского короля с крымским ханом и с гетманом запорожским. Для автора еврейской хроники крымский хан выступает абсолютно суверенным правителем, равным по статусу польскому королю. Что касается переговоров с Хмельницким, то король считал не подобающим для себя вести с ним лично переговоры и потому сносился с ним через посредника [7, с. 125]. Для современников было совершенно очевидно, что политико-правовой статус крымского хана, чингизида по своему происхождению, был несоизмеримо выше статуса любого гетмана Войска Запорожского [4, с. 89]. Формально гетманы были лишь командующими одной из частей войска Речи Посполитой, поэтому их статус был сопоставим со статусом отдельных предводителей крымского войска, как например, уже хорошо знакомого нам Тугай-бея.

В итоге было заключено Зборовское мирное соглашение. Татары отправились в Крым, по дороге жестоко расправляясь с православными, взбунтовавшимися против короля. Ганновер пишет, что существовало мнение, будто сам король дозволил крымцам разгромить местности, охваченные восстанием. Хроника перечисляет города с округами, которые

подверглись страшному татарскому разорению – это Острог, Заслав, Кременец, Базиль, Сатанов и всё вплоть до Каменца-Подольского. Православное население этих населенных пунктов было либо перебито, либо уведено в плен. Так, писал Ганновер, через татар осуществилось над православным населением Украины божественное мщение за еврейские погромы [7, с. 126]. Таким образом, для еврейского хрониста крымцы выступали не только врагами, но и Бичем Божьим, посредством которого Бог вершит своё возмездие над злодеями.

Во время мира, пишет Ганновер, Хмельницкий якобы выкупил из татарского плена двух польских гетманов – Потоцкого и Калиновского, захваченных ещё в битве под Корсунем. Сделал он это только с той целью, чтобы не дать возвыситься своему заклятому врагу – И. Вишневецкому. В 1651 г. православные и татары соединились в четвертый раз, чтобы снова идти походом на Польшу. И опять казаки перебили много сотен евреев, а татары увели столько же в плен. И снова количество татар и православных не поддавалось подсчету, «точно песок морской» [7, с. 128]. Но, есть сведения польских источников, которые не вызывают сомнения у историков, в которых говорится о том, что Ислам-Гирей III в 1651 г. привел собой войско в 28–30 тыс. конных воинов [14, с. 98–99].

Далее в хронике следует описание битвы под Берестечком. Татары и православные появились перед польским войском внезапно, оглашая, по своему обычаю, окрестности «дикими и громкими криками». Они думали легко разбить поляков, как уже неоднократно делали до этого. Однако, с Божьей помощью, поляки, поддержанные немцами, нанесли православным и татарам жесточайшее поражение, чуть не истребив их полностью во время преследования. Сам крымский хан бежал с поля битвы с позором, захватив с собой плененного Хмельницкого в наказание, как пишет Ганновер, за то, что тот был причиной «его позорного отступления с остатками войска и гибели его народа» [7, с. 129]. По сообщению хроника в плен к полякам попали все великие вельможи татарские с самим ханским племянником. О каком племяннике Ислам-Гирея здесь идет речь, у Ганновера не сказано. Доподлинно известно, что в битве под Берестечком погиб родной брат крымского хана – калга-султан Крым-Гирей [18, с. 433]. Автор хроника сообщает, что крымский хан даже написал письмо польскому королю с предложением обменять своего племянника на Хмельницкого и ещё 4 тыс. знатных польских панов, находящихся в крымском плену. Однако король не согласился, гордо заявив, что он сам отберет у хана Хмельницкого в его собственном доме! Тем самым, пишет Ганновер, Ян Казимир объявлял войну татарам [7, с. 129].

В это время умирает И. Вишневецкий и крымский хан вновь примирился с Хмельницким, который заплатил за свое освобождение какую-то баснословную сумму в 18 млн злотых. Тогда в пятый раз соединились татары с православными в 1652 г. для войны против Польши и «продолжается эта война по сегодняшний день» [7, с. 130]. Так заканчивает свое повествование Ганновер, посвященное событиям гражданской войны в Речи Посполитой, переросшей, впоследствии, в польско-украинскую войну.

Если обратится ко второй взятой нами для исторического анализа еврейской хронике – «Тяготы времен» Мейера из Щебржешина, то она практически в два раза меньше по объему, чем «Пучина бездонная» Н. Ганновера, а также менее информативна по содержанию [12]. Но и в ней содержатся оценки крымских татар, принимавших участие в восстании Б. Хмельницкого. Так Мейер сообщает, что в 1648 г. православные соединились с «гнусным

племенем» татар. Однако, автор отдает должное их боевым качествам, добавляя, что «так объединились опытные и отважные воины» [12, с. 156]. Как и Ганновер, Мейер начинает свое описание гражданской войны в Речи Посполитой с описания Корсунской битвы, совершенно не упоминая о предшествовавшей ей битве у Желтых вод. Автор также пишет о «тьме» татар и православных, окруживших польское войско. Сообщает хроника и о договоренности между православными и татарами, что вся военная добыча достанется первым, а пленные – вторым [12, с. 157].

Сообщает Мейер и о том, что для запугивания врага татары перед боем издавали громкие крики [12, с. 167]. Описывая осаду г. Замосте, автор пишет, что православные и татары оглашали окрестности дикими воплями, «словно шакалы и страусы» [12, с. 171]. Но если Ганновер отмечал, что татары вели себя с пленными евреями более гуманно, чем православные, то Мейер не делает между ними ни какой разницы. Так, при описании взятия г. Нароль, в хронике описано, как еврейские дети, женщины и старики были «преданы жестокой смерти» православными и татарами. Юноши, девушки и красивые женщины были взяты татарами в плен и «их заставляли тяжко работать и обращались с ними очень жестоко» [12, с. 171]. Мейер здесь использует по отношению к татарам эпитет «жестоковыйные». Отмечает хроника также практику выкупа пленных у татар, однако неутешительно замечает, что множество их продолжало оставаться в татарском плену и тысячи евреев погибли на пути в Крым [12, с. 174].

Есть в хронике Мейера цифры, относительно количества крымских воинов в войске восставших. Так, когда Ян Казимир шел на выручку осажденных в Збараже, на встречу ему выступило несколько сот тысяч бунтовщиков и 8 тыс. татар [12, с. 176]. То есть, если число казаков и крестьян в хронике явно многократно завышено, то численность татар представляется довольно объективной. При этом еврейский автор абсолютно не упоминает о предводителе татар – хане Ислам-Гирее III. Он пишет, что король отправил к татарам своего канцлера Е. Оссолинского с предложением мира. Предложения эти якобы обсуждались татарами сообща: «И собрались татары, и стали обсуждать условия соглашения» [12, с. 177]. Однако дальше Мейер сообщает, что после обсуждения не названный ни по имени, ни по титулу «предводитель татар», отобрав несколько тысяч воинов, отправился к польскому королю, с которым они пришли к полному согласию. Получается, что этот татарский «предводитель» не обладал всей полнотой власти и вынужден был считаться со своим окружением. Как представляется, это весьма ценная информация, содержащаяся в данном историческом источнике.

За мир татарам король обещал сотни тысяч злотых, а в качестве залога отправлял к ним своих любимых приближенных. Эта информация Мейера во многом совпадает с информацией, которую мы находили у Ганновера. После заключения перемирия татары отправились в Крым, по дороге убивая «селян», в наказание за то, что те подняли руку против своего короля. И завершает свой рассказ еврейский хронист следующей фразой: «И перебили татары множество селян, ибо они были зачинщиками всех злодейств и причиной всех бедствий» [12, с. 177]. То есть, как и в предыдущей хронике, здесь налицо олицетворение крымцев с Божественным воздаянием за грех непокорства властям и совершенные злодеяния против еврейского населения Речи Посполитой.

И ещё один сюжет хроники Мейера обращает на себя внимание с позиции оценок действий крымских татар во время гражданской войны в Польше. Так, хроника сообщает,

что крымцы отпустили из плена гетмана Потоцкого только из ненависти к князю И. Вишневецкому и из желания его унижить. Но сделано это было по наущению Хмельницкого [12, с. 178]. Следовательно, по мнению Мейера из Щебржешина, князь воевода русский Вишневецкий был ненавидим не только казаками, но и крымскими татарами, видевшими в нем своего главного врага.

Третья хроника в нашем исследовании – «Послание» Саббатая Гакогена – ещё меньше, чем уже изученные нами [6]. Ничего нового добавить к уже сказанному в двух предыдущих хрониках относительно крымских татар она не может. Полезной для нас информации у Гакогена крайне мало. Можно отметить, что по Гакогену в Польском королевстве было 12 тыс. казаков, которые, согласно закону, должны были нести военную службу и во всем подчиняться королю. Но они нарушили этот закон и заключили союз «с другими негодными соплеменниками и соединились с многолюдной ордой татар» [6, с. 185]. Выходит, что для автора этой хроники казаки и татры по сути своей очень похожи друг на друга, раз он называет их недвусмысленно «соплеменниками». Это очень интересное замечание, на наш взгляд, которое, по сути, сближает действия казаков с действиями татар во время восстания Б. Хмельницкого в глазах еврейского общества или, по крайней мере, определенной её части.

Вообще Гакоген видит главную причину этого восстания в желании восставших жителей Речи Посполитой и присоединившихся к ним татар уничтожить богоизбранный народ. Он такими словами заканчивает свою хронику: «Множество бунтовщиков и тьма татар, живущих невдалеке от этих мест, собираются вместе, говоря: «Давайте уничтожим народ израильский и не оставим даже следа его»» [6, с. 190]. То есть субъективность автора в изложении описываемых событий достаточно очевидна и понятна.

4. Заключение

На основе проделанного нами анализа еврейских исторических хроник, можно заключить, что оценки крымских татар носят в них, в целом, негативный характер. Тем не менее, татары не воспринимались евреями как исконно враждебный народ. И хоть татры олицетворяли для авторов зло, но меньшее по сравнению с православными. В образе крымских татар, в какой-то мере, можно найти даже положительные оценки. В частности, это относится, к описанию той жалости и заботы, которые проявляли крымцы по отношению к евреям, добровольно сдававшимся им в плен, дабы только не попасть в руки к православным. Хроники наглядно показывают нам, насколько отличалась участь иудеев, попавших в руки к православным, от участи тех, кто попадал в плен к татарам.

Как ещё одну положительную характеристику крымских татар у еврейских авторов можно назвать упоминания об их мобильности и организованности во время войны. По представлениям хронистов, большинство крымских татар, принимавших участие в походах против Речи Посполитой, были профессиональными воинами и могли с успехом противостоять польским панам и шляхте, хорошо знавшим военное дело. Отмечают авторы храбрость татар в бою, сравнивая их со львами. Весьма сдержаны еврейские авторы и в оценках самого крымского хана, чего нельзя сказать о Б. Хмельницком. В хрониках крымский хан показан абсолютно суверенным правителем, равным по статусу польскому королю. Для современников было совершенно очевидно, что политико-правовой статус крымского хана, чингизида по своему происхождению, был несоизмеримо выше статуса гетмана Войска Запорожского. Так же надо отметить, что для еврейских хронистов крымцы

выступали не только врагами, но и «Бичем Божиим», посредством которого Бог вершит своё возмездие над злодеями, а именно через татар разоряя земли Украины в отмщение православному населению за еврейские погромы.

Список источников и литературы

1. Абдужемилев, Р. Р. (2016). *Хроника Мехмеда Сенаи как памятник крымскотатарской художественной литературы XVII в.* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 388 с.
2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3: 1638–1657 / [под ред. Н.И. Костомарова]. СПб.: Типография П.А. Кулиша, 1861. [6], 604, 134, 22 с.
3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 8: 1668–1669, 1648–1657 / [под ред. Н.И. Костомарова]. СПб.: Типография В.В. Пратц, 1875. [6], 10, 400, 23 с.
4. Бабулин, И. Б. (2015). *Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.)*. М.: Фонд «Русские витязи». 400 с.
5. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Том II. 1648–1651 годы. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 559 с.
6. Гакоген, С. *Послание. Хроника Саббатая Гакогена* // Еврейские хроники XVII столетия: (Эпоха «хмельничины»). М; Иерусалим: Гешарим. 1997. С. 183–190.
7. Ганновер, Н. *Пучина бездонная. Хроника Натана Ганновера* // Еврейские хроники XVII столетия: (Эпоха «хмельничины»). М.; Иерусалим: Гешарим. 1997. С. 81–137.
8. Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. Том 1 (1648–1649 рр.). Київ, 2012. 680 с.
9. Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. Том 2 (1650–1651 рр.). Київ, 2013. 703 с.
10. Документы об освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. Киев: Наукова думка, 1965. 826 с.
11. Еврейские хроники XVII столетия: (Эпоха «хмельничины»). М.; Иерусалим: Гешарим. 1997. 288 с.
12. Мейер. (1997). *Тяготы времен. Хроника Мейера из Щебржешина* // Еврейские хроники XVII столетия: (Эпоха «хмельничины»). М.; Иерусалим: Гешарим. С. 153–179.
13. Памятники изданные Временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденною при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе. Т. 1. Отд. III. Киев: Типография Университета св. Владимира. 1845. 881 с.
14. Свэшніков, І. К. (1992). *Битва під Берестечком*. Львів: Слово. 304 с.
15. Смолій, В. А., Степанков, В. С. (1993). *Богдан Хмельницький: соціально-політичний портрет*. Київ: Либідь. 501 с.
16. Шалак, М. Е. (2023). «Бунташный век» Османской империи: восстание Мухаммед-Гирея III в свете турецких исторических хроник // Научная мысль Кавказа. № 1 (113). С. 66–74.
17. Шейхумеров, А. А. (2022). *Тогай бей*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 160 с.
18. Яковенко, Н. (2012). *Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время*. Авторизованный перевод с украинского Владимира Рыжковского; Научн. ред. перевода Алексей Толочко. М.: Новое литературное обозрение. 768 с.

19. Kucharski, W. (2015). *Rozbicie armii koronnej w dzialaniach wojennych 1648 r.* // *Studia z Dziejów Wojskowości*. T. IV. P. 57–99.

References

1. Abduzhemilev, R. R. (2016). *Khronika Mekhmeda Senai kak pamyatnik krymskotatarskoj khudozhestvennoj literatury XVII v.* [The Chronicle of Mehmed Senai as a monument of Crimean Tatar fiction of the XVII century]. Kazan, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ. (in Russian).

2. *Akty, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiiy* [Acts relating to the history of Southern and Western Russia, collected and published by the Archeographic Commission], 3, 1638–1657. Pod red. N. I. Kostomarova, St. Petersburg, Tipografiya P. A. Kulisha, 1861. (in Russian).

3. *Akty, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiiy* [Acts relating to the history of Southern and Western Russia, collected and published by the Archeographic Commission], 8, 1668–1669, 1648–1657. Pod red. N. I. Kostomarova. St. Petersburg, Tipografiya V. V. Pratts, 1875. (in Russian).

4. Babulin, I. B. (2015). *Bor'ba za Ukrainu i bitva pod Konotopom (1658–1659 gg.)* [The Struggle for Ukraine and the Battle of Konotop (1658–1659)]. Moscow, Fond «Russkie vityazi». (in Russian).

5. *Vossoedinenie Ukrainy s Rossiey. Dokumenty i materialy v trekh tomakh* [Reunification of Ukraine with Russia. Documents and materials in three volumes], II, 1648–1651 gody. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1953. (in Russian).

6. Gakogen, S. *Poslanie. Khronika Sabbataya Gakogena* [Epistle. Chronicle of Sabbatai Gakogen] in *Evreyskie khroniki XVII stoletiya: (Epokha «khamel'nichiny»)*. Moscow, Ierusalim, Gesharim, 1997. 183–190. (in Russian).

7. Gannover, N. *Puchina bezdonnaya. Khronika Natana Gannovera* [The abyss is bottomless. The Chronicle of Nathan Hanover] in *Evreyskie khroniki XVII stoletiya: (Epokha «khamel'nichiny»)*. Moscow, Ierusalim, Gesharim. 1997. 81–137. (in Russian).

8. *Dzherela z istorii Natsional'no-vizvol'noi viyni ukraïns'kogo narodu 1648–1658 rr.* [Sources from the history of the National Liberation War of the Ukrainian people of 1648–1658], 1, 1648–1649 rr., Kyiv, 2012. (in Ukrainian).

9. *Dzherela z istorii Natsional'no-vizvol'noi viyni ukraïns'kogo narodu 1648–1658 rr.* [Sources from the history of the National Liberation War of the Ukrainian people of 1648–1658], 2, 1650–1651 rr., Kyiv, 2013. (in Ukrainian).

10. *Dokumenty ob osvoboditel'noy voyne ukraïnskogo naroda 1648–1654 gg.* [Documents about the liberation war of the Ukrainian people of 1648–1654], Kyiv, Naukova dumka, 1965. (in Russian).

11. *Evreyskie khroniki XVII stoletiya: (Epokha «khamel'nichiny»)* (1997) [Jewish chronicles of the XVII century: (The Era of «khamel'nichiny»)]. Moscow; Jerusalem, Gesharim Publ. (in Russian).

12. Meyer. (1997). *Tyagoty vremen. Khronika Meyera iz Shchebrzheshina* [The hardships of the times. Chronicle of Meyer from Shchebrzheshin] in *Evreyskie khroniki XVII stoletiya: (Epokha «khamel'nichiny»)*. Moscow, Ierusalim, Gesharim. 153–179. (in Russian).

13. *Pamyatniki izdannye Vremennoy komissiiyu dlya razbora drevnikh aktov, vysochayshe uchrezhdennoy pri kievskom voennom, podol'skom i volynskom general-gubernatore* [Monuments issued by the Temporary Commission for the Analysis of Ancient Acts, most highly established under the Kiev military, Podolsk and Volyn Governor-General], 1, Otd. III, Kyiv, Tipografiya Universiteta sv. Vladimira. 1845. (in Russian).

14. Sveshnikov, I. K. (1992). *Bitva pid Berestechkom* [Battle of Berestechk]. Lviv, Slovo Publ. (in Ukrainian).
15. Smolii, V. A., Stepankov, V. S. (1993). *Bogdan Khmel'nits'kii: sotsial'no-politichnyi portret* [Bogdan Khmel'nitsky: social and political portrait]. Kyiv, Libid' Publ. (in Ukrainian).
16. Shalak, M. E. (2023). «*Buntashnyi vek*» *Osmanskoi imperii: vosstanie Mukhammed-Gireya III v svete turetskikh istoricheskikh khronik* [The «Rebellious Age» of the Ottoman Empire: the Uprising of Muhammad Giray III in the light of Turkish historical chronicles] in *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 1 (113), 66–74. (in Russian).
17. Sheikumerov, A. A. (2022). *Togai bei* [Togai Bey]. Kazan, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ. (in Russian).
18. Yakovenko, N. (2012). *Ocherk istorii Ukrainy v Srednie veka i rannee Novoe vremya* [An essay on the history of Ukraine in the Middle Ages and Early Modern Times], redactor Aleksei Tolochko. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russian).
19. Kucharski, W. (2015). *Rozbicie armii koronnej w dzialaniach wojennych 1648 r.* // *Studia z Dziejów Wojskowości*. T. IV. 57–99. (in Polish).